

A painting of a village scene. In the foreground, a large, gnarled tree trunk is visible. A stork is perched on a branch in the upper center. To the left, a man in a green tunic is working with a large wooden wheel. To the right, a woman in a white dress is working with a large wooden wheel. In the background, there are several wooden houses and a church spire. The overall style is that of a 19th-century realist painting.

Иван Зорин

БЕЗРАБОТИЦА

ФТМ

Иван Зорин
Безработица

«ФТМ»

2016

Зорин И. В.

Безработица / И. В. Зорин — «ФТМ», 2016

ISBN 978-5-4467-3307-1

Это роман о России, её, возможно, недалёком будущем. В Златорайске, таёжном городе, полвека живущем за счёт добычи золота, внезапно объявляют, что его залежи исчерпались. Золотопромышленная компания сворачивает свою деятельность, выплатив трёхмесячное жалование своим работникам, которых насчитывается в городе половина. Завод по обработке жёлтого металла являлся градообразующим, и с его закрытием на Златорайск обрушивается безработица. Это случается поздней весной, и лето жители проводят в растерянности, которая прикрывается праздностью и наигранным весельем. Герои романа, а их несколько – бывший учитель, уволенный инженер, рабочий, их жёны, потерявшая работу бухгалтерша, священник, мэр города, начальник полиции, врач, люди, принадлежащие разным слоям общества, – относятся к случившемуся по-разному. Кто-то находит себя, кто-то радуется обретенной свободе (как священник, приветствующий освобождение от золотого тельца), но большинство предчувствуют беду. И оказываются правы. К осени деньги заканчиваются, закрываются банки, магазины, начинаются перебои с электричеством. Позже отключаются мобильные телефоны, интернет. Златорайск, отрезанный от мира, превращается в изолированную территорию, анклав, до которого никому нет дела. Правда, деятельность мэра и начатая им компания в СМИ на время дают результат – с городом устанавливается воздушный мост, вертолёты доставляют всё необходимое, добровольно пожертвованное гражданами всей страны. Но постепенно интерес к городу падает, и к началу зимы он остаётся уже один на один с безработицей, вставшей в полный рост. И тогда Златорайск превращается в фильм ужасов. В отсутствие власти в нём открыто действуют подростковые банды, начинается голод, подступают холода. В экстремальных условиях меняется и психология героев, происходит ломка устоявшихся понятий. Безработица, которая понимается в романе символично, как буря или воплощённое зло, открывает в каждом его истинное

лицо. Доведённые до отчаяния, жители под руководством начальника полиции совершают вооружённый переворот. Уничтожив подростковые банды, расстреляв их главарей, они смещают мэра и вручают власть главному полицейскому. В этот судный день переворачивается кровавая страница истории города. В Златорайске устанавливается диктатура, наступает эпоха военного коммунизма. Превратившись в колонию строгого режима, город кое-как выживает. Но все понимают, что иначе беспредел повторится. Жители боятся себя, предпочитая подчиняться сильной руке, страх перед которой держит их в узде. О прошлом уже никто не вспоминает, жители постепенно привыкают к своему новому положению, в которое их поставила безработица. Но не все. Кому-то удаётся вырваться за железный занавес, опустившийся над Златорайском, убежать от смерти, голода и хаоса, который сдерживает лишь диктатура. Наконец уволенный инженер, отправившись на охоту, случайно открывает в тайге новое месторождение золота. Тайком он выбирается в столицу, где, попав в офис золотопромышленной компании, узнаёт, что для её руководства его сообщение не было секретом. Просто выгоднее было на зиму прервать золотодобычу, а теперь она возобновится. Многие, однако, не доживают до этого, погибнув при безработице. Через год в Златорайск возвращается прежняя жизнь, и он снова превращается в типичный обывательский городишко с психологией потребления. И все начинают жить сегодняшним днём, будто ничего и не было, убежденные, что безработица навсегда покинула их края: «никто не готовился к её возвращению и, насколько позволяли обстоятельства, жил безопасно, будто золото в угрюмо молчавшей тайге не иссякнет никогда».

ISBN 978-5-4467-3307-1

© Зорин И. В., 2016

© ФТМ, 2016

Иван Зорин

Безработица

Моему бесконечно равнодушному народу посвящается

Никто вокруг не владел языком, идущим прямо от сердца, поэтому самые доподлинные страдания стали постепенно и привычно выражаться системой стёртых фраз.

А. Камю. «Чума»

Те, кто присутствовали при том, как всё начиналось, кто выжил и не опустил в памяти глухую завесу, навсегда отгораживаясь от произошедшего, должны были помнить, что первому об увольнении сообщили инженеру Алексею К... Это случилось в четверг. А в пятницу, перед самым окончанием работы, уволили сразу двоих – такелажника Петра Н. и бухгалтершу Зинаиду О. Формулировка у всех была одинаковая: по сокращению штатов. Сослуживцы посоветовали уволенным обратиться в профсоюз, хотя все знали, что тот ничем не поможет. Эти трое были на заводе старожилами, много лет проработав с ними бок о бок, все чувствовали неловкость, и, бессильные что-либо изменить, торопливо прощались, отводя глаза. Но кто был виноват в их увольнении? Не сослуживцы же, которым оставалось, выйдя за ворота, поскорее их забыть. За годы своего существования золотопромышленное предприятие только нанимало, а уходило с него либо на пенсию, либо по собственному желанию, и событие было из ряда вон, так что все были убеждены – увольнение больше никого не коснётся. В официальную версию никто не поверил, припомнили, что проверка выявила у Алексея К. какие-то отклонения от технологии, Пётр Н. недавно закрепил груз слишком тонкой верёвкой, вызвав его обрушение, а Зинаида О. просрочила квартальный отчёт. Раньше такое прощали, но всякое могло быть. В конце концов, ущерб был налицо, и администрация приняла меры. Ясно было одно – ими должно всё ограничиться, и за себя можно быть спокойным.

Как всегда по воскресеньям, Зинаида О., нацепив платок, пошла в церковь, где у ограды её встретила жена Алексея К. Они были едва знакомы, но инженерша улыбнулась.

– Кажется, мы теперь в одной лодке. Неожиданно вышло, правда?

Зинаида О. поправила платок.

– Тут уж ничего не поделаешь.

Инженерша взяла её под руку.

– Ну почему, муж говорит, увольнение незаконно, надо бороться.

Зинаида О. вздохнула.

– Если мы составим жалобу в суд, подпишете?

– Нет, на меня не рассчитывайте. – Зинаида О. высвободила руку. – Я не инженер, а бухгалтеры везде требуются.

В церкви было тесно, и прихожане толпились в притворе. Среди них было много работников завода, но к Зинаиде О. больше никто не подошёл. Как и жена Алексея К. или рабочего Петра Н., она не встретила ни сочувствия, ни поддержки, не увидев, впрочем, в этом ничего удивительного – когда дело касается рабочего места, каждому до себя, а она, выпав из заводского сообщества, стала чужой, смущая своим видом, как прокажённый бубенчиком. Так что обиды быть не могло – на их месте она вела бы себя так же. А на следующей неделе начались массовые увольнения. Сотрудников поодиночке вызывали в администрацию, откуда они возвращались с опущенной головой, взъерошенные, как мокрые птенцы. Некоторые принимали удар молча, другие угрожали судом, но в глубине понимали, что бороться со сворой адвокатов, нанятых золотопромышленной компанией, дело безнадежное. К тому же администрация сделала широкий жест, пообещав выходное пособие в тройном размере. Деньги были немалые,

если получить их сразу, и это перевешивало и без того слабое желание сопротивляться. Только инженер Алексей К., по привычке приходивший утром к заводским воротам, встречал всех у проходной зажигательными речами.

– Они не обнищают, выплатив и больше! – размахивая руками, указывал он на заводские корпуса. – Полвека мыли золото в наших ручьях, все окрестности изрезали шурфами. Полвека мы вкалывали на них, а теперь нам предлагают убраться!

Некоторые угрюмо кивали, другие отворачивались, но не останавливался никто.

– Кончилось золото, – вышел к Алексею К. мордатый охранник, приехавший в Златорайск на заработки. – Завод сворачивается, так что зря надрываешься.

Он ткнул Алексея К. в грудь резиновой дубинкой, и по его кривой ухмылке инженер понял, что бороться бесполезно.

Златорайск вырос посреди тайги, когда здесь нашли золото. Оно было повсюду – блестело в ручьях, тянулось жилами в горных породах, лежало россыпями в обмелевших лужах. Обнаруживший его начальник геологоразведочной экспедиции дорого заплатил за своё открытие. Бурной ночью, когда геологи переправлялись через реку, его лодка перевернулась, и, спасая снаряжение, он утонул. Фамилия начальника была Карпов, и реку называли в его честь. Карповка разделяла город на две части: на правом берегу высился перерабатывающий завод, на левом обосновался жилой район из деревянных домов с двускатными крышами. Берега соединял широкий каменный мост, по которому ходили битком набитые автобусы, весь день пронесились автомобили, а ночью, когда молодёжь устраивала гонки, – мотоциклы с включёнными фарами. Благодаря золотой лихорадке, вспыхнувшей полвека назад, город быстро разросся, но с тех пор не увеличивался, застыв в своих границах, за пределами которых океаном раскинулась тайга. Архитектура Златорайска не поражала разнообразием. Дома плотно лепились друг к другу и были редко двухэтажными, тогда на первом помещались кафе или магазин, с обязательным деревянным «коньком» на двускатной крыше и фигурным сточным жёлобом, гордостью хозяев, не желавших ударить в грязь перед соседями и потому делавших всё на славу, а вокруг средних размеров забор, через который можно переговариваться, и резные ворота с целующимися голубями, особый шик прошедших времён, которые напоминали о себе, – русский стиль, типичная застройка середины прошлого века, функциональная, добротная, без излишеств.

Весть о том, что завод закрывают, разлетелась быстро. Со дня его основания сменилось не одно поколение, и в сознании златорайцев он был вечным. На нём работала добрая половина города, а вторая, так или иначе, была с ним связана, так что его закрытие затронуло всех. Никто не был готов к такому повороту, Златорайск, немного сонный, мирный городок с размеренным течением жизни, оказался вдруг перед выбором – как быть дальше. Но кто был виноват, что жёлтый песок иссяк? Администрация наверняка сделала всё возможное, чтобы добыть его весь, а выплатив тройное пособие, проявила щедрость. Ни у кого больше не закралось мысли, что она оставила город без штанов, выкачав из недр всё, что можно, и обобрав горожан до нитки, да она же и не оставила. Поползли, правда, слухи, что владельцы компании внакладе не остались, заблаговременно распродав свои акции.

– Ничего удивительного, – услышав об этом, сказал жене Алексей К. – Кому, как не им, было знать заранее.

– Такие не прогорают, – вздохнула жена.

Продажа компании, которой грозил крах, была очевидным мошенничеством, но благодаря влиятельным знакомствам её владельцам удалось избежать суда. Да и как их наказание могло повлиять на судьбу златорайцев? Абстрактная справедливость мало кого волнует, если не затрагивает личных интересов, а забот и так хватало. Бунтовать было бессмысленно, оставалось сосредоточиться на своём положении и сообща найти выход. А главное – не поддаваться панике. Не бегать, как курица с отрубленной головой. Да, главное – не паниковать. Безработица

пришла с весной, когда всё представало в розовом свете. Думать позитивно! Об этом в глянце-вых журналах твердили психологи, к этому же призывал инстинкт выживания, и на увольнение постарались взглянуть с другой стороны. В конце концов, вместо месячного отпуска завод оплатил целых три. Разве это не подарок судьбы – избавиться от необходимости просыпаться ни свет ни заря, тащиться через весь город к чугунным воротам, за которыми по восемь часов проводить у промывочного конвейера. Страус, зарывший голову в песок? Возможно. Но всё-таки лучше обезглавленной курицы. Тем, кто полжизни провёл на предприятии и для кого работа превратилась в неизбежный ритуал, став таким же рефлексом, как утреннее опорожнение кишечника, увольнение показалось чудом. Каждый день светало всё раньше, звенела капель, и солнце играло в лужах, собиравшихся под карнизами домов. На деревьях распускались почки, стаи чёрных грачей склёвывали насекомых в острой зелёной траве, и златорайцы почувствовали себя школьниками, которым неожиданно устроили каникулы. Больше не надо было отдавать дни чудовищному Молоху, не надо было заживо хоронить себя. Жизнь без завода казалась вдвойне прекрасной, так что, по мнению многих, сожалеть было не о чем, и эти оптимисты, умевшие жить одним днём, не задумываясь о будущем, заражали своим настроением остальных.

Коротким летом Златорайск вихрился пылью, зимой утопал в снегу, а весной и осенью единственная дорога, ведущая к нему, покрывалась грязными оползнями. Город находился на краю света, так что его обитатели привыкли жить обособленно, надеясь только на себя. Большинству ехать было некуда, вся родня давно свелась к местным, с которыми связывали браки, и в первые дни все восприняли беду как общую. А на миру и смерть красна. Но о какой смерти могла идти речь? Деньги пока были, муниципалитет, в который после закрытия завода обратились несколько малоимущих семей, обещал о них позаботиться, и златорайцы надеялись на лучшее.

– Ничего, переживём, – здороваясь через низкий забор, поддерживали друг друга соседи, ковыряясь в тесно прилегавших палисадниках.

– Конечно, нам не впервой.

Голоса звучали бодро, но златорайцы обманывали себя, такое с ними случалось впервые. Но что им грозило? Не бросят же их на произвол судьбы. А хоть бы и бросили? На худой конец есть полноводная Карповка, а в трёх шагах густой лес.

– С голоду не умрём, – успокоил жену бывший рабочий Пётр Н., – рыба не золото, не переведётся.

В подтверждении своих слов он достал из сарая старую удочку, взял банку с червями и ржавое, скрипучее ведро, которое на закате наполнилось плескавшимся хариусом. Времена, конечно, были уже не те, дичи стало меньше, но куропатку или зайца подстрелить в тайге ещё можно, да и огороды голодать не дадут. Конечно, это был крайний случай, о возвращении к природе всерьёз никто не думал – на дворе стоял век интернета, медвежьих углов больше не было, и всё обещало наладиться.

В первую неделю, когда администрация уже уехала, навесив на заводские ворота массивные замки и погрузив на тяжёлые самосвалы промывочные машины, полвека громыхавшие в городе днём и ночью, все поразились непривычной тишине, от которой, казалось, можно было оглохнуть. Она звенела в ушах до головокружения, угрожая свести с ума, казалось, всё вокруг было убито, раздавлено этой тишиной, пока ко второй неделе к ней, наконец, не привыкли. По утрам на автомобильных стоянках больше не встречались заспанные лица, на остановках не выстраивались очереди, а автобусы не набивались угрюмо молчавшими пассажирами в спецовках. Заводские ворота, закрывшиеся раз и навсегда, напоминали теперь покинутую тюрьму, из которой разбежались заключённые. Прежняя жизнь дала трещину, но по инерции всё ещё катилась, как потерявший управление велосипед. На содержании у золотопромышленного предприятия находились школы, больница, детские сады и единственная город-

ская газета. До школьных каникул оставался месяц, и потерявшие заработки учителя приняли соломоново решение – отпустить учащихся раньше. Последние отнеслись к этому с понятным воодушевлением, и златорайские улицы заполнила гомонящая детвора, гонявшая мяч и собиравшаяся компаниями у реки. Закрытие детских садов также прошло безболезненно – у безработных родителей появилась масса свободного времени, которое они охотно проводили со своими чадами. Хуже обстояло дело с больницей, но она ещё держалась на клятве Гиппократы, оказывая медицинскую помощь всем нуждавшимся, да и златорайцы, народ крепкий, летом болели гораздо меньше. К всеобщему удивлению всё устраивалось как нельзя лучше, а загадывать вперёд никто не хотел.

В течение месяца город в нерешительности держал паузу. С непривычки распорядиться такой уймой времени все поначалу даже растерялись, испугавшись подкрадывавшейся скуки, у которой, как у мифической гидры, каждые сутки вырастали двадцать четыре головы, грозившие поглотить заживо, и с ними надо было что-то делать. Но потом, точно сорвавшись с цепи, город погрузился в непривычную праздность. Незнакомые прохожие останавливались и, сняв шляпы, часами беседовали, чего раньше никогда не случалось. Забегаловки были заполнены с утра, но в них уже не перекусывали на ходу, прокручивая вместе с бутербродами предстоявшие дела, а располагались основательно, поджидая собеседника, который всегда находился. Начинали с того, что обсуждали будущее Златорайска, но как-то лениво, точно знали – ничего интересного не услышат, но потом беседа оживлялась, перескакивая с предмета на предмет, касалась уже всего на свете. Не боясь проспять смену, теперь допоздна смотрели телевизор, и в кафе до хрипоты спорили, кто станет футбольным чемпионом или возьмёт кубок по теннису. На смену спорту приходила политика, а когда темы были исчерпаны, доставали шашки или нарды. До шахмат дело не доходило и, когда инженер Алексей К., страстный игрок, предлагал сгонять партию-другую, то всегда наткнулся на одно и то же: «Нам бы чего попроще». Пожав плечами, Алексей К. садился тогда за компьютер с заляпанным экраном и, пощёлкав мышью, находил партнёров в интернете. Однако стали проявляться и первые признаки беспокойства. В «Златорайском вестнике» вышла статья с кричащим названием «Что дальше?», где этот вопрос ставился перед муниципалитетом. Хотя всем, в том числе и автору статьи, было ясно, что муниципалитет бессилен что-либо сделать, несмотря на заявления о целом ряде срочных мер, которые готовятся. А что в действительности он мог? Собраться на чрезвычайное заседание? Обсудить создавшееся положение? Но разве в муниципалитете знали что-то, чего не знал каждый житель? Златорайцы отнеслись к статье прохладно.

– Им, как всегда, больше всех надо, – свернув листок, сказал Алексей К. – Пишут, а какой выход?

– Понятно, чего стараются, – усмехнулся Пётр Н., намекая, что редакцию на улицу вышвырнули без выходного пособия.

Солнце уже пригревало, на садовых участках возле домов накрывали столы и приглашали соседей, доставая из погребов приготовленное для торжественных случаев вино в пыльных, с прилипшей соломой, бутылках. За обедом обсуждали произошедшие перемены, в которых видели гораздо больше хорошего, и не понимали, как жили раньше. Так продолжалось изо дня в день, одним нескончаемым праздником. И только Алексей К., двигавший на экране шахматные фигуры, думал: быть беде. Отрываясь от компьютера, он обводил взглядом переполненную забегаловку с облаками сизого табачного дыма, и думал, что к этому не прилепишься, не повиснешь на этих облаках, не зацепишься за распивавших с тобой случайных собеседников. Повседневный труд – вот что даёт уверенность. Это единственное, что держит на плаву, не позволяя сойти с ума. «Нет большего счастья под солнцем, как трудиться и видеть плоды рук своих»? Так это вовсе не счастье, а спасение, и плоды видеть не обязательно, достаточно трудиться, вкалывать, хорошо делать своё дело. Но, может, это касается только его, оттрубившего

на заводе полжизни? Может, только он не представляет себя без работы? Алексей К. неуверенно пожимал плечами и снова утыкался в экран.

Зинаида О., разведённая, без детей, хозяйка небольшого дома на окраине Златорайска, первое время после увольнения не знала, куда себя деть. Целыми днями она слонялась по комнатам, берясь то за одно, то за другое, но бросала всё недоделанным. Опустившись на стул, она сидела, уставившись в одну точку, а вечерами до одури смотрела телевизор. Костистая, с тяжёлой, лошадиной челюстью, Зинаида О. оставила личную жизнь в прошлом. Порог её маленького домика в центре Златорайска после развода не переступал ни один мужчина, и она давно перестала об этом мечтать. Аккуратная, как все бухгалтеры, она подчинялась раз и навсегда заведённому распорядку, львиную долю которого раньше занимала работа. Увольнение внесло в её жизнь сумятицу, и теперь в её бухгалтерии, как ни старалась Зинаида О., дебет не сходился с кредитом, и время было некуда девать. Подруг у Зинаиды О. не было, одиночество ей раньше скрашивали сослуживицы, посвящавшие её в свои семейные дела, так что ей казалось, будто она после работы разделит их домашние хлопоты. Но рабочий день заканчивался, и, попрощавшись за воротами, каждый шёл в свою сторону. По дороге у Зинаиды О. ещё долго крутились истории, в которых сослуживицы были всегда правы, а их мужья и дети выглядели тиранами и неблагодарными злодеями. Она слышала их обиженные голоса до тех пор, пока не включала телевизор и не начинала лихорадочно щёлкать пультом-лентяжкой. Но сейчас не было и этого. Зинаида О. не находила себе места: стены давили, а внутри распирала звенящая пустота. Весна уже бушевала. В оврагах ещё лежал снег, но солнце уже блестело в лужах, на зеленевших полянках прыгали скворцы, а шоссе канавы бурлили талой водой. Однажды под вечер Зинаида О. надела резиновые сапоги, оставшиеся после мужа, – она была крупной, но сапоги оказались на пару размеров больше, и ей пришлось оборачивать ноги шерстяными портянками, – и отправилась в лес. Было холодно, Зинаида О. нахлобучила глубже вязаную шапку, ускорила шаг, давя сырые сучья, но всё равно замерзала. Деревья стояли ещё голыми, темнея впереди стволами, они жали глаз, а сапоги быстро разбухли от налипшей грязи, в которую превратились узкие тропинки. Прогулка не удалась, и Зинаида О. вернулась, заняв кресло у телевизора. Однако на другой день, когда она вышла на крыльцо, ей захотелось вдруг посадить кусты смородины. Её садовый участок, до которого прежде не доходили руки, был голым и, просвечивая насквозь, упирался в покосившийся дощатый забор. Через три дня кусты были посажены, а Зинаида О. уже разбивала огород, в котором копалась маленькой садовой лопатой с налипшими комьями глинозёма. Рядом валялась проржавевшая лейка, в которой гудел заблудившийся шмель, раскрасневшаяся Зинаида О. то и дело поправляла съезжавший на глаза платок и была счастлива. Сломленная усталостью, она больше не проводила вечера у телевизора, бессмысленно перебирая каналы, и, засыпая, улыбалась, уверенная, что нашла себя. Постепенно подоконники у неё заняли книги по садоводству, покупая на базаре семена растений, она подолгу обсуждала достоинства того или иного сорта, и вскоре прослыла в Златорайске первым аграрием.

Электрическая подстанция также финансировалась компанией, но, в отличие от учителей, её служащие не могли так легко прекратить работу. При каждом удобном случае они выказывали своё возмущение, но златорайцы лишь разводили руками, советуя обратиться в муниципалитет. Однажды они так и поступили, но муниципалитет встретил их дверями с навешенным замком. Тогда служащие подстанции вечером отключили электричество, погрузив город во тьму. Всего на час, но этого оказалось достаточно. «Ну вот, за два хода до мата!» – чертыхнулся Алексей К., у которого погас экран с выигрышной партией, поначалу даже не поняв, что обесточен весь город. А вот Пётр Н., возвращавшийся из забега, где прилично набрался, понял это сразу, как только отключились фонари, – зацепившись за валяющуюся на дороге корягу, он упал и подвернул ногу. Оторвавшись от телевизоров, златорайцы высы-

пали на улицы, как слепые, держась за палисадники, они окрикивали тех, кто догадался взять с собой карманный фонарик, чтобы вместе поносить потом на чём свет стоит городские власти. Но с подачей света паника быстро улеглась. А на другой день мэр произнёс взволнованную речь. Обращаясь по местному телеканалу, он призвал горожан взять на себя дополнительный расход. Златорайцы были ещё при деньгах и могли себе позволить взять на содержание несколько человек. На каждого трат вышло совсем немного, зато теперь они могли с полным основанием спросить со служащих подстанции. И опять в этом увидели плюсы. Златорайцы впервые почувствовали себя хозяевами города, а это чувство на базаре не купишь. Да, деньги стоили того. В воображении многих Златорайск уже представлял собой коммуну, в которой все были равноправными гражданами, готовыми выручить соседа. От тревожной растерянности не осталось и следа. Повсеместно господствовавшими настроениями стали: пусть будет как будет, как-нибудь уж будет точно, а от нас всё равно ничего не зависит. В этом была своя подкупающая правда, её подхватывали, как ветрянку, как припев какой-то модной песенки, с утра до ночи раздававшейся по радио, целиком сосредотачиваясь на сегодня. О том, что будет дальше, старались не думать. Конечно, это получалось не у всех. Но это было уже их личной трагедией. Исключительно их. А других не касалось вовсе.

Учитель Петров выступал против роспуска школьников на каникулы.

– Им и так предстоит болтаться всё лето, – доказывал он на педсовете. – Мы несём за них ответственность, а хуже ничем не занятого ума ничего нет. Надо довести классы до конца, чего бы это ни стоило...

– А платить вы будете? – на полуслове оборвал его директор. – Чем морали читать, лучше бы о деньгах подумали. И где их на другой год взять – из вашего кармана?

Учитель Петров владел многими предметами и готов был работать бесплатно. Но школу закрыли, а ключи от неё, хранившиеся в муниципалитете, ему не дали. Всю жизнь Петров отдал школьному воспитанию, и страсть к педагогике с годами переросла у него в манию, которую он, вместо того, чтобы с ней бороться, особенно когда представилась, наконец, такая возможность, культивировал. Но признаться себе в этом Петров не мог. Когда на педсовете его одёрнул директор, он вспыхнул и, приняв гордую осанку, с которой обычно входил в класс, заявил, что бросать учащихся противоречит его принципам. Да, он не может так всё оставить, пусть с его мнением и не считается учительский коллектив, пусть даже он останется один. В подтверждение своих слов Петров стал вести домашние факультативы, на которых больше, чем школьным предметам, учил жизни. Подростки были от него без ума, хотя ему и случалось бывать с ними строгим. Петров не мог потянуть всю школьную программу, возможно, сил для этого у него бы и хватило, но количества часов было явно недостаточно, однако он находил в своей деятельности множество преимуществ. Не скованный больше школьной субординацией, он мог учить без оглядки на возраст – тому, что знал сам, выстрадав за долгие годы. Учеников Петров называл «мои воробышки», и ему хотелось, чтобы их жизнь сложилось счастливее. Петров давно овдовел, так и не успев завести детей, и всё, что у него оставалось, это ученики, собиравшиеся у него, как апостолы. Знания он преподносил легко, чтобы не набивали оскомины, а в перерывах поил учеников чаем с крыжовенным вареньем. Чем непринуждённее обстановка, тем лучше для понимания нового, это учитель Петров усвоил очень давно, и за чаем он продолжал вкладывать в их голову знания, например по астрономии, показывая ложкой, которой обносил чашку, что Земля наклонена и вращается вокруг Солнца по эллипсу – зачем? чтобы глядя на рассвет, они вспоминали, что ось планеты составляет с траекторией её движения угол в двадцать три градуса? – или деревянным голосом произносил, как заклинание: если из А следует В, а из В следует С, значит... – и едва сдерживался, чтобы не рассмеяться – да ни черта не значит, в жизни всё выворачивается наизнанку, а причина и следствие в ней всегда меняются местами, если проходит достаточно времени, чтобы это заметить. Учи-

тель Петров превзошёл себя, его педагогический талант цвёл пышным цветом, а он продолжал лезть из кожи, готовый вести занятия хоть двадцать четыре часа в сутки. Но факультатив есть факультатив, его необязательность подрывала дисциплину, а желание учиться, даже у тех, у кого оно было, перевешивали игра в мяч и посиделки у реки, так что с течением времени круг собиравшихся у Петрова таял.

– Ничего не поделаешь, – развёл руками Петров, когда однажды к нему никто не пришёл, и провёл час, наполненный сомнениями и надеждами, разглядывая стелющиеся дорожки. – Ничего не поделаешь, жизнь берёт своё.

Потом он подошёл к зеркалу и, оттянув кожу, долго рассматривал набрякшие под глазами мешки.

– Тебе всё равно год до пенсии, как-нибудь проживёшь. – Он подмигнул своему отражению и ударил себя по бедру, будто пускаясь в пляс. Но тут же, словно от боли, скривился. – А чем заняться? Нечем заняться. Совершенно нечем.

За годы, изрешеченные каникулами, летними, весенними и зимними, помечавшими сезоны, за долгие годы, ничем не отличавшиеся один от другого, у Петрова сложился свой распорядок – школа, обед, проверка тетрадей, на ночь книга, и где-нибудь в промежутке, вечером, одна-две рюмки, чтобы расслабиться, нет-нет, никакого пристрастия, просто скрасить жизнь, это даже не недостаток, какой уж там алкоголизм. Принесённое безработицей одиночество учитель Петров переносил тяжело, ходил вечерами на Карповку, от которой жил в двух шагах, садился на бревно и смотрел вдаль, на другой берег с подходившими к нему зарослями бурьяна, кривыми ивами и пыльным чертополохом, глядел на красное закатное солнце, на ветер, гнавший волны по желтевшей ржи, или, переведя взгляд, наблюдал, как над водой кружатся голодные крикливые чайки и как плещутся головастые сомы. Время от времени нашарив на земле плоский камешек, Петров изгибался боком и со всех сил швырял его по воде, считая скачки перед тем как тот утонет. Видя его сутулую фигуру, златорайцы, которые были когда-то его учениками, случалось, приглашали Петрова на ужин, и тогда он плёлся за ними как побитая собака. За столом ему отводили почётное место, следили, чтобы его рюмка не пустовала: после первой он начинал говорить о математике, после второй – о литературе, а после третьей плакал.

– Ну-ну, – хлопали его по плечу, – мы же тебя любим.

Так оно и было, хотя учитель Петров слыл среди златорайцев замкнутым и немного чудачковатым. Когда-то он был высок, строен, с пронзительным взглядом из-под сведённых бровей и аристократическим, с горбинкой, носом, широкие ноздри которого раздувались, когда он волновался, как у лошади. Красавец-мужчина, ничего не скажешь, мужчина в самом соку, и после смерти жены было множество претенденток, готовых занять её место в доме с ложными алебастровыми колоннами, высившимся на речном склоне. Но Петрова от повторного брака вначале удерживала память о жене, которую он страстно любил, а потом неожиданно открывшаяся разборчивость. Отдавая всего себя школе, он лишь презрительно кривился, когда видел реверансы в свою сторону, так что постепенно от него все отступились. С годами учитель Петров всё глубже погружался в одиночество. Оно согнуло его прямую фигуру, избородило морщинами лицо, превратив тонкие губы в нити, на носу у него заблестели очки, и только взгляд его чуть раскосых глаз из-под кустившихся бровей оставался ястребиным. Спасаясь от одиночества, бороться с которым становилось всё труднее, учитель Петров, бывало, ходил и на бульвар в центре Златорайска. Смешно загребая руками при ходьбе – по этой манере его легко было узнать даже со спины, – он мелькал в прогалах толпы, оборачиваясь то вправо, то влево, словно срывал невидимые яблоки, которые с размаху бросал оземь, пока не находил пустовавшую под развесистым дубом лавочку. Расположившись на ней с краюхой чёрного хлеба, от которой понемногу отщипывал, кормил сизых ворковавших голубей. Они клевали отлетавшие крошки, поворачиваясь, как стрелки испорченного компаса, задевали хвостами ноги, осмелев настолько, что взлетали на лавочку, пока он не отгонял их неосторожным движением. В такие

мгновенья учитель Петров, бывший по обыкновению всегда далеко от происходящего – от бульвара, покато́й лавочки, сновавших под ногами голубей, – вдруг задумывался, достойно ли провёл свою долгую жизнь, посвятив её всё же чему-то осмысленному, а это, не стоит забывать, большая привилегия, и, склонившись к тому, что прожил достойно, начинал думать, как достойно, со смыслом, умереть, что сейчас это важнее, можно сказать, выходит на первый план, хотя странно, почему такие мысли не посещали его раньше, верно, он был молод и слишком привязан к жизни, отдавая все силы, чтобы прожить её достойно, и не только в глазах окружающих, но и в собственных, точно с него за неё спросится, точно ему предстоит экзамен, а сейчас самое время, да, самое время.

На о. Ферапонте, высохшем от старости настоятеле златорайского храма, перемены не сказались никак. В старой поношенной рясе, казалось, сросшейся с его худой фигурой, он по-прежнему крестил, венчал и отпевал. Разве что пришлось отпустить служку – жертвоприношения сократились, и тот отпросился в соседний приход. О. Ферапонт был глуховат и, казалось, не понимал случившегося с городом. Или делал вид, что не понимал. Когда ему рассказывали о закрытии золотопромышленной компании, он поворачивал голову и, оттопырив ухо с отвисшей мясистой мочкой, кивал:

– Всякое бывает.

Пропуская сквозь кулак жидкую бородку, он вспоминал, как много лет назад его новую рясу не уберёт от моли нафталин, и её пришлось штопать, или как церковную утварь погрызли крысы, от которых не спасали ни яд, ни кошки, так что ему пришлось готовить крысоеда. Из вежливости, будто слыша об этом впервые, его спрашивали о крысоеде, и о. Ферапонт, смущённо улыбаясь, повторял тогда одно и то же.

– Поймать крысу – нужна сноровка, в молодости я их голыми руками ловил, а потом стал капканами пользоваться. Наберёшь пяток, которые покрупнее, с коричневым отливом, швырнёшь в высокий жестяной бак и смотришь, как они пытаются выпрыгнуть, скрежеща по стенкам когтями, пока не успокоятся. Несколько дней крысы свирепеют от голода, а потом, выбрав слабейшую, бросаются скопом, так что она бесследно исчезает. Даже окровавленные останки, размазанные по жести, побурев, высыхают. Пожирают друг друга божьи твари, совсем как мы. А потом настает черёд следующей. Её тоже растерзают, и так идёт дальше, пока не останется одна. Она-то и есть крысоед. Это сам дьявол, страшный, ненасытный, его скошенные злые глазки не позарятся больше ни на дичь, ни на рыбу, а томясь голодом, будут искать себе подобных. Прежде чем выпустить, тыкаешь в него заострённым прутиком, доводя до бешенства, а потом переворачиваешь бак в кишачем крысами сарае. В первое мгновенье крысоед крутит острой мордочкой, поворачивается то вправо, то влево, а принявшись, бросается в тёмную дыру, ведущую в погреб. Это не кошка, он никогда не насытится, учуяв его, крысы разбегутся, а он будет переходить из дома в дом, и ещё не один год его запах будет охранять от их нашествия. – О. Ферапонт широко крестился. – Вот так и приходилось брать грех на душу.

– Почему же это грех?

– Потому что все твари божьи, и нельзя создавать убийцу.

– Но, батюшка, все хищники – убийцы.

Вздыхнув, о. Ферапонт задира́л вверх палец.

– Так то божий промысел, а то человеческий. – Он вздыхал ещё глубже. – Но что делать, когда крысы церковное облачение жрут?

Эти разговоры о. Ферапонт заводил для отвода глаз, а в глубине радовался уходу золотопромышленной компании, которую сравнивал с золотым тельцом. Он полагал, что свободное время, внезапно обрушившееся на златорайцев, даст им возможность задуматься о жизни вечной. Но никто не задумывался. И это о. Ферапонту представлялось странным. Казалось, теперь ничто не мешало выйти из пустыни, но Златорайск не видел земли обетованной, и вме-

сто того, чтобы заглянуть в будущее, погрузился в сонную одурь. По главным улицам, Светлой и Золотой, которые скрещивались в центре под прямым углом, целыми днями шатались праздные толпы. То там, то здесь затягивали песню, которую подхватывали, распевая пьяными голосами. Прохожих угощали початой бутылкой вина, которую несли в руке, или, достав из-за пазухи, предлагали пригубить прямо из горлышка. В таких случаях редко отказывали. О том, как ещё недавно в это же самое время работали на заводе, о прежней жизни, которую вели десятилетиями, казалось, забыли напрочь. Конечно, в этом было много показного, но под влиянием толпы попадавших сюда также охватывал кураж, и, казалось, ничто не могло поколебать их благодушия. Однако через два месяца после выплаты выходного пособия деньги из карманов безработных перекочевали в магазины. Теперь их стали обходить стороной, ограничивая себя самым необходимым. За покупками отправлялись, как на экскурсию, – больше посмотреть, чем прицениться, и, видя, к чему свёлся поход, шутили, что посетили музей. Алексей К. вместо себя отправлял по магазинам жену. Он ссылался на свою непрактичность, говорил, что лишь попусту потратит деньги, но жена видела, как ему в душе было горько – инженер всегда хорошо зарабатывал и не привык считать у прилавка каждую копейку. Учитель Петров и раньше вёл умеренный образ жизни, а теперь, перейдя на спартанский, не почувствовал особой разницы. В магазинах он появлялся крайне редко, шурясь сквозь очки, долго выбирал, а покупал всегда одно и то же – четвертинку водки и краюху чёрного хлеба. Пётр Н. с женой давно уже довольствовались натуральным хозяйством, и бывший рабочий заходил в магазины только чтобы поболтать со скучавшими продавщицами. Облокотившись о витрину, он отпускал шутки по поводу безработных. «Ну что, Петя, – не щадил он и себя, – видит око, да зуб неймёт? Ничего, дорогой, хоть глазами поешь. А лучше понюхай – всё хлеб». Продавщицы смеялись. Они и сами старались задержать разговорами безденежных покупателей – чтобы те скрасили им одиночество. Они видели в них своё будущее, чувствуя незримое родство – замаячивший месяц назад призрак всеобщей безработицы уже расхаживал по Златорайску, грозя постучаться в каждую дверь. Но безработные не отчаивались, и никто из них не хотел возврата к старому. «Хоть поживём по-человечески», – заражали они своим настроением. «А может, так и надо? – с завистью поглядывали на них из кое-как ещё державшихся на плаву офисов. – В конце концов, живём один раз». Безработные наводнили город, их масса достигла критической, но вместо того чтобы взорвать Златорайск, они наполнили его опустошающим безразличием. Постепенно страх перед безработицей исчезал. За место больше не держались, уверенные, что его потеря лишь вопрос времени, а когда их вышвырнут на улицу, не случится ничего страшного, просто они пополнят ряды тех, кто уже ощутил пьянящий воздух свободы. И всё-таки на безработных лежала печать внутренней неприкаянности, во всех их действиях – в окаменевших улыбках, натужном веселье и лихорадочном перемещении по городу – чувствовалась скрытая растерянность, душевных разговоров между ними не получалось, как это бывает у заключённых, каждый думал о себе, а когда кто-нибудь вдруг начинал рассказывать о переживаниях, об идущих из глубин страхах, не дающих сосредоточиться на внешнем мире, поглощающих целиком его «я», рассказывать искренне, а потому сбиваясь в слова, говорить с мучительной надеждой на понимание, то его речь воспринимали как набор банальных жалоб, как проявление меланхолии, вполне естественной в создавшемся положении, или хуже того, как депрессию, пугавшую своей заразностью, а потому, скомкав ответ, давали себе слово впредь держаться от него подальше. Таким образом, никто не мог рассчитывать на помощь, вынужденный оставаться наедине с собой, никто не мог довериться, поделившись болью, которой, впрочем, хватало на всех, не мог выразить своих подлинных страданий, кроме как в избитых, затасканных словах. За кружками в забегаловках сидели одинокие, чужие друг другу люди, которые говорили обо всём на свете, но только не о себе, обсуждали всё, кроме своего будущего. Вирус безработицы, проникнув в мозг, поразил участки, отвечающие за коллективные инстинкты, и вместо того чтобы сплотиться, городские обыватели отдалялись друг от друга.

Безработица, как опытный шахматист, не спешила реализовать свой тайный план, не торопилась привести в исполнение приговор, оставляя его дамокловым мечом висеть над городом, угроза всегда страшнее её реализации, и златорайцев мучила неопределённость. Эти бесконечные метания между надеждой и отчаянием, разъедавшие сомнения и пугающая неизвестность сами по себе стали страшной пыткой.

Безработица как испанская инквизиция?

Как добрый и злой следователь в одном лице?

Как фильм ужасов, в котором нагнетается страх?

Как психолог-садист?

Какова её цель?

Может, она слепа и сама не знает, куда ведёт?

Медлительная, как удав, безработица всё оттягивала, откладывала, отсрочивала. Но по всем приметам ничего хорошего ждать не приходилось. Хотя этого пока не замечали. Несмотря на явные проявления взаимной холодности, на бросавшиеся в глаза примеры всеобщего безразличия, златорайцам казалось, что, скованные общей бедой, они всё-таки могут рассчитывать на соседа, который подставит в трудную минуту своё плечо. Им хотелось в это верить, и они верили. И только учитель Петров с сомнением качал головой. Школа, в которой он работал, закрылась одной из первых, но, когда Петров выходил на прогулку, ноги сами несли его к знакомой ограде. Припав к железным прутьям, он смотрел, как мальчишки с криками гоняют в футбол, каждой клеточкой своего тела радуясь забитому мячу. Они уже сняли пропотевшие майки, побросав их на траву за воротами, и мелькали разгорячёнными телами. Учитель Петров не мог оторваться, жадно ловя каждый всплеск их эмоций.

Он думал (сняв очки и упираясь лбом в холодные прутья, которые уже оставили красневшие полосы):

«Вот оно, счастье, а другого не будет. Им сейчас кажется, что у них всё впереди, что жизнь только начинается, и их ждёт что-то большое и светлое, которое будет гораздо привлекательнее футбола, полные иллюзий, они ещё верят в своё будущее, но пройдут годы, и, став отцами семейств, они будут вспоминать этот погожий летний денёк, когда гоняли мяч под взглядом припавшего к ограде учителя, и будут отчётливо понимать, что были тогда на вершине счастья».

– Ворота пустые! – закричал Петров нападающему, который опустил глаза на мяч. – Бей! Без ударов нет голов!

Промахнувшись, тот сплюнул. Заметив Петрова, его товарищи остановились и посмотрели насмешливо. «Дядя, тебе сколько лет?» – прочитал в их глазах учитель Петров и, снова надев очки, поплёлся прочь. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как к нему под ноги подкатился мяч.

– Подайте, пожалуйста!

Желая блеснуть, Петров подцепил мяч ногой, лёгким ударом поднял в воздух и наподдал со всей силы. Мяч улетел за ограду, а с Петрова на землю свалились очки. Но это было полбеды. Он скорчился от боли, его лицо исказила гримаса. Он громко вскрикнул, но мальчишки не обратили на это внимания. Они снова носились по площадке, оставив его наедине с застарелым радикулитом, до которого им не было никакого дела. Вынув из кармана брюк носовой платок, учитель Петров промокнул лоб, с тревогой гадая, когда отпустит боль, а почувствовав, что она уходит, поднял очки и осторожно выпрямился.

Домой учитель возвращался по берегу Карповки, где облюбовал разлапистую корягу, на которой до ночи глядел на ущербную луну, слушая, как, высунув из тины квадратные головы, свистят сомы. Он думал обо всём на свете, но его мысль крутилась вокруг одного и того же. Вдыхая густевший от холода воздух, он наполнялся осознанием того, что всё это, окружавшее

его теперь – и луна, и сомы, и трухлявые коряги, черневшие в ночи, – уже было в его детстве, и будет, когда его не станет.

Из-за вынужденного безделья Златорайск напоминал курортный городок. На улицах царило оживление, непривычная суета заполняла каждый его уголок. Казалось, ничто не предвещало мёртвого сезона. К нему никто и не готовился, потому что не представлял себе того, что он принесёт. А если бы даже и представлял, не знал, в чём должна заключаться подготовка к нему. Да и обстоятельства пока не подвели ещё к опасной черте, хотя нехватка денег давала о себе знать всё больше, и горожане старались экономить на всём, в первую очередь, как им казалось, на необязательном, на излишествах, без которых, по их мнению (а на чьё мнение им ещё оставалось полагаться?), вполне можно было бы обойтись, так что одними из первых пострадали школьники – разъезжавшиеся раньше на каникулы, они были вынуждены теперь проводить их в городе, подыскивая себе развлечения, которые, быстро вытеснив беготню с мячом, им предоставил интернет. Просиживая в социальных сетях, можно было общаться с миром, недоступным для того чтобы потрогать его на ощупь, можно было сутками напролёт занимать себя электронными играми – «стрелялками», «бродилками», квестами, виртуальными стратегиями, безусловно, развивающими, симулирующими (или подменяющими?) стратегию жизни, – всё это позволяло убить время, отвлечь от реальности, забыть о завтрашнем дне, рисовавшимся таким же, как и сегодняшний, беззаботным и праздным. Родителей это не настораживало, в глубине они были даже рады, что их дети оказались достаточно самостоятельными, чтобы чем-то, всё равно, чем, занять себя, избавив их от лишнего беспокойства. Таким образом, интересы совпали – детям нравилось чувствовать себя беспризорными, непривычно предоставленными самим себе, лишенными прессы непрерывной слежки, а взрослые негласно им потакали, не задумываясь, чем всё это может обернуться в будущем. А в самом деле, чем? К тому же златорайцам необходимо было сосредоточиться на выживании. Хотя слово «выживание» никто не произносил даже про себя. С какой стати? Всё ещё уладится. Надо только верить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.